

Поздним вечером на кровати появилось небольшое влажное пятно.

Они вместе сменили простыню, грязное белье сняли и замочили в воде, а использованную для протирания ткань тоже бросили туда же. Закончив с этим, они, наконец, снова улеглись спать.

Цин Янь впервые ощутил прелесть такого рода близости. Раньше он даже не представлял, что можно испытывать подобное счастье всего лишь через такой способ.

Испытав это наслаждение, ему захотелось отблагодарить человека рядом.

Он придвинулся к мужчине и тихо спросил у него на ухо:

— Тебе... некомфортно?

Мужчина повернулся к нему лицом и вместо ответа задал вопрос:

— А ты сегодня сдержишь свое слово?

Цин Янь сразу же понял, о чем идет речь. В памяти всплыли неприятные воспоминания прошлого раза, и он, спрятав лицо под одеялом, с легким чувством вины, но решительно ответил:

— Не сдержу!

Рядом раздался глубокий смех мужчины. Одеяло слегка зашевелилось, и Цин Янь выглянул из-под него. Мужчина уже перестал смеяться. Цин Янь протянул руку, коснулся краешка его губ и сказал:

— Каждый раз ты смеешься, когда я этого не вижу.

Мужчина поймал его руку, поцеловал мягкую подушечку пальца и тихо сказал:

— Уже поздно, спи.

Цин Янь снова лег в постель, устроился поудобнее и вскоре заснул.

...

Последние несколько дней Цин Янь время от времени заходил помочь в доме Лю Фа и даже успел съездить в уездный город.

На этот раз поиски прошли относительно гладко. Во всем уезде был лишь один торговый караван, который ежегодно отправлялся на юг. Этот караван имел значительные размеры и известность в тех краях, поэтому Цин Янь быстро узнал имя их главы и его местожительство.

Он предполагал, что встретиться с нужным человеком будет непросто, но к его удивлению, как только он объяснил привратнику цель своего визита, тот передал его слова дальше, и Цин Яня сразу же пригласили войти.

Главе каравана было около пятидесяти лет. Его мощное телосложение внушало уважение, но при этом он оказался человеком с хорошими манерами и кротким характером. Выслушав просьбу Цин Яня, он задумался на мгновение и произнес:

— То есть, ты хочешь сказать, что слышал, будто префекта уезда Наньхуэй зовут Цинь Ляньчуань, и, по слухам, он родом из этой же провинции. Поэтому ты предполагаешь, что он — это покойный муж Ли Сичжэнь?

Цин Янь понимал, что его доводы звучат неубедительно, но не мог раскрыть истинную причину своих подозрений. Ему оставалось лишь оправдываться:

— Я понимаю, что велика вероятность того, что это просто совпадение имен. Но тогда тело дяди Циня так и не нашли, на горе обнаружили лишь окровавленную одежду. Эту гору часто посещают дровосеки и травники, которые не видели там крупных хищников. Да и если бы он встретился с диким зверем, то вряд ли бы от него совсем ничего не осталось — ни кусочка костей, ни фрагментов плоти.

Видя, что у главы каравана все еще нахмуренные брови, он вздохнул и продолжил:

— Ведь тогда дядя Цинь собирался остаться дома на Новый год, но моя тетя настояла, чтобы он вышел из дома. В итоге он ушел, а вернулись лишь окровавленные одежды. Эти годы она так и не смогла простить себя и все время чувствует вину. Мы даже боимся упоминать об этом, иначе она снова расплачется.

Услышав это, выражение лица главы каравана заметно смягчилось. С самого начала Цин Янь заметил, что перед ним человек прямой и сердобольный, иначе тот бы вообще не стал принимать кого-то, кто ему совершенно посторонний, а тем более слушать его.

Цин Янь сделал шаг вперед, и в его глазах блеснули слезы:

— Я понимаю, что, скорее всего, это всего лишь пустое предположение, но раз в сердце возникли сомнения, нельзя просто оставить это так. Тетя уже в возрасте, я боюсь, что если

ничего не предпринять, то так и пройдет вся жизнь, а истина останется сокрытой.

Глава каравана начал шагать взад-вперед по комнате, а через некоторое время дал ответ:

— Торговый караван отправляется через месяц с небольшим. По маршруту мы не проезжаем Наньхуэй, но ближайшая точка будет примерно в десяти ли оттуда. Я возьму лошадь и отправлюсь к префекту Наньхуэй. Тогда все прояснится, и я сообщу тебе результаты письмом.

Услышав это, Цин Янь начал горячо благодарить его, достал из сумки двадцать лян серебра в качестве задатка и пообещал, что после подтверждения дела добавит еще тридцать.

Но глава каравана наотрез отказался брать деньги. Понимая беспокойство Цин Яня, он просто поднял одну монету и сказал:

— Если я уже согласился, то непременно сделаю все как следует. Этот один лян пусть будет залогом для твоего спокойствия.

Когда Цин Янь вышел из дома главы каравана, сердце его впервые обрело надежду в деле, которое столько времени не давало ему покоя.

Раз уж он оказался в уездном городе, он заодно прошелся по местным лавкам, торгующим ароматическими маслами, и ознакомился с ценами. Только после этого он отправился обратно в деревню Люси.

□□.....

Свадьбу в доме Лю назначили на шестое апреля.

В то утро, позавтракав, Цю Хэнянь и Цин Янь, как супруги, отправились помогать с приготовлениями.

В этот день двери дома Лю не закрывались — люди приходили и уходили, повсюду развешаны красные фонари, царила оживленная праздничная атмосфера. Ближе к вечеру в дом прибыл сваха — супруг деревенского старосты. Он вел свадебную процессию во главе с Лю Цаем, который верхом на рослом коне возглавлял шествие. За ним следовал паланкин. Музыка, смех и веселье наполнили всю округу. Когда свадебная процессия ушла, дома началась еще большая суэта. Через полчаса должна была прибыть невеста вместе с ее родными.

Цю Хэнянь вместе с другими молодыми мужчинами переносил столы и скамейки в комнаты. Праздничный пир устраивали прямо дома, и мебели в семье Лю явно не хватало, поэтому столы и скамейки брали взаймы у соседей, а потом возвращали. Принесли даже мебель из дома Цю Хэняня и Цин Яня.

Цин Янь тем временем помогал в кухне — перебирал овощи. Тетушка Ли, взглянув на удаляющегося вдаль, уверенного в себе жениха, тихо пробормотала:

— Все из-за твоего бессердечного отца и мачехи. Я ведь все уже приготовила, тогда и вы с даламом тоже могли бы быть такими же счастливыми.

Сказав это, она поняла, что эти слова были лишними. Как-никак, те двое — родственники Цин Яня, и ей, чуждому человеку, не следовало бы их осуждать. На ее лице появилось смущенное выражение.

Но Цин Янь несколько не обиделся. Улыбнувшись, он ответил:

— Хорошо, если это есть, а если нет — тоже не беда. Самое главное — иметь хорошую жизнь.

Тетушка Ли похлопала его по руке, почувствовав легкое облегчение.

Еще не стемнело, но оглушительный треск петард возвестил о возвращении свадебной процессии. Гости уже собрались, люди заполнили весь дом и двор.

Невеста вышел из паланкина. На пороге первого двора он переступил через седло, у второго — присел на символический сундук, а затем сел на почетное место в новой комнате.

Когда наступил благоприятный час, началась церемония поклонов. Лю Цай улыбался так, что глаз не было видно. Держа красный шелковый платок, он аккуратно вел невесту к алтарю. Во время поклона невеста случайно задел подолом землю, и Лю Цай, заметив это, поспешил его поправить. Его рука слегка коснулась пальцев невесты, от чего он так разволновался, что у него заметно задрожала рука. Гости, наблюдавшие за этим, еле сдерживали смех, прикрывая рты руками.

После поклонов молодожены отправились в комнату, а во дворе и в доме начался праздничный пир.

Семья невесты заняла главное место за столом. Среди них был мужчина лет тридцати с немного смуглым лицом. Он время от времени оборачивался в сторону стола, где сидели Цин Янь и Цю Хэнянь, бросая на них заинтересованные взгляды. Но Цин Янь был поглощен беседой с Цю Хэнянем и ничего не заметил, тем более не услышал, как этот человек пробормотал:

— Это ведь тот гер, что на Празднике фонарей установил лоток рядом с моим.

Его взгляд переместился на тетю Ли, сидевшую рядом с Цин Янем.

— И она мне кажется знакомой... Где же я ее видел?

Он задумчиво постучал себя по лбу, но прежде чем успел вспомнить, кто-то из соседей по столу окликнул его, предлагая выпить. Мужчина отвлекся, обернулся и, позабыв о своих размышлениях, принялся чокаться с собутыльниками.

...

Пока в северной части деревни дом семьи Лю бурлил весельем, на юге, в доме старшего сына Ван, царили тишина и уныние. Ни старуха Ван, ни ее сын Ван Хэяо не пошли на свадьбу. Во-первых, у них не было денег на подарок, а во-вторых, старуха Ван недавно поссорилась с женой Лю Фа, и ей было стыдно являться на праздник.

Масло в лампе почти догорело, свет был слабым, и в комнате становилось все темнее. Эта мрачная атмосфера лишь усиливала гнетущее чувство.

Ван Хэяо, одержимый игрой в кости, страдал от того, что у него не было денег в кармане, и с раздражением и нетерпением ковылял по комнате туда-сюда. Его нога, покусанная собакой, все еще не заживала, причиняя ноющую боль и усиливая раздражение.

На улице уже стемнело, делать было нечего, а старуха Ван давно легла спать.

Ван Хэяо подумал и, хромая на цыпочках, прокрался в комнату матери. Прислушиваясь к ее громкому храпу, он взял ее верхнюю одежду, лежавшую у изголовья кровати, и принялся рыться в ней. Затем вывернул весь шкаф, но не нашел даже медной монетки.

Полный злобы, он вышел из комнаты и вернулся к себе. Схватив человека с кровати, он швырнул его на пол. Тяжелый глухой звук удара о землю и сдавленное болезненное всхлипывание заполнили комнату. Ван Хэяо, подавляя голос, зашипел:

— Только и знаешь, что спать! Скажи мне, ты знаешь, куда мать прячет деньги?

Человек на полу сжался всем телом и покачал головой.

Ван Хэяо вспыхнул от злости и, размахнувшись, ударил его по лицу:

— Какой от тебя прок, жалкий ты кусок дерьма?

Избитый человек не издал ни звука, даже не вскрикнул от боли. Только дыхание стало немного

тяжелее, как будто такая степень насилия для него уже привычна.

Сверкая глазами от злобы, Ван Хэяо не унимался. Он схватил человека за воротник и рывком поднял его. Слабый свет масляной лампы осветил лицо Шэнь Вэня. Его лицо все еще не зажило от прошлых синяков, теперь на щеке добавился свежий отпечаток ладони.

Но он никак не отреагировал — только смотрел на обидчика с пустым, бесстрастным выражением.

Ван Хэяо держал его так, что его ноги волочились по земле. На самом деле Ван Хэяо не был особо силен, просто тело Шэнь Вэня было слишком истощено, кожа да кости, весом как у ребенка.

С нетерпением Ван Хэяо рявкнул:

— У тебя есть хоть какие-то деньги?

Шэнь Вэнь тупо смотрел на него и медленно снова покачал головой.

Ван Хэяо прищурился:

— Ты знаешь, что будет, если ты мне соврешь.

Шэнь Вэнь снова покачал головой. Ван Хэяо взревел от ярости, поднял его еще выше, а потом сжал кулак и ударил прямо в висок:

— С тех пор, как я женился на тебе, у меня одни несчастья! Черт побери, я сегодня тебя убью, чтобы хоть как-то исправить свою судьбу, проклятая сука!

Шэнь Вэнь не уклонился и не попытался избежать удара. На его лице появилась выражение облегчения, словно он смирился со своей судьбой, и, встречая кулак, он закрыл глаза.

Однако кулак так и не обрушился. Через некоторое время, почувствовав, что ничего не происходит, Шэнь Вэнь медленно открыл глаза. Перед ним стоял Ван Хэяо, пристально смотря ему в лицо, будто размышляя о чем-то глубоком.

Постепенно выражение его лица изменилось: вместо гнева на нем появилась почти восторженная радость. Глаза Ван Хэяо заблестели, словно он вдруг осознал нечто грандиозное. Его губы зашевелились, едва слышно бормоча:

— Как же я раньше не догадался? Почему я за все это время не догадался? Черт возьми, такой

способ заработать деньги! Почему только сейчас это пришло мне в голову?

Ван Хэяо неожиданно отпустил ворот Шэнь Вэня, поставив его ровно на ноги. Более того, он обеими руками пригладил его смятую одежду, стараясь вернуть ей порядок. Даже попытался пригладить растрепанные волосы Шэнь Вэня, но тот резко отвернулся в сторону, избегая прикосновения.

Лицо Ван Хэяо исказилось от злости. Он поднял руку, готовясь снова ударить, но внезапно, словно вспомнив что-то важное, с трудом сдержался и опустил руку. Его гнев сменился неуклюжей улыбкой. Потирая ладони, он сказал:

— Я тут вспомнил... Друг позвал меня вечером выпить. Надо идти, а то опоздаю.

Он толкнул Шэнь Вэня в плечо и продолжил:

— Ты не обращай на меня внимания, иди на кровать и ложись спать. Да, хорошо спи, отдыхай.

Приведя в порядок свою одежду, Ван Хэяо, прихрамывая, направился к выходу. Уже у двери он обернулся, ухватился за косяк, высунул голову обратно и смерил Шэнь Вэня взглядом, в котором змеилась опасность. Его губы растянулись в зловещей усмешке, и, чеканя каждое слово, он добавил:

— Только смотри, никуда не уходи. Сиди дома и спи.

С этими словами он закрыл дверь, и сразу же раздался четкий звук замка, защелкивающегося снаружи.

Через мгновение из наружной комнаты донеслись шаги. Одинокая фигура покинула дом, нестройно насвистывая какую-то мелодию. В ее руке побрякивали ключи, и, прихрамывая, она скрылась за воротами двора.

<http://bllate.org/book/13590/1205193>